

Смоктунувский И

1983/ХТТ

Иннокентий Смоктунувский

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ГОРОДСКОМ ТЕАТРЕ

ВИДЕТЬ ЕДИНОМЫШЛЕННИКА

Соб. Россия, 1983, 21 дек.

говорит Иннокентий Михайлович. — Не могу же я, работающий для людей, быть безразличным к тому, как и чем они живут. И тем более мне не могут быть безразличны судьба и творческий поиск моих коллег. Я сам начинал как актер на периферии и на себе испытал те трудности, с которыми сталкивается городской театр: порой недостаточное внимание со стороны городских органов, почти полное отсутствие рекламы и отсюда — неподготовленность зрителей, которых необходимо воспитывать, приобщать к театру. Об этом, кстати, у нас состоялся очень нужный, на мой взгляд, разговор в горкоме партии Новомосковска.

Современному промышленному городу, центру большого района, нужен театр. Причем хороший, не уступающий столичным. Нельзя же мириться с тем, что хороший спектакль зритель может увидеть, только приехав, скажем, в Москву или Ленинград. Это же нелепо. И я рад, что эту точку зрения разделяют в горкоме партии и понимают, какую неоценимую пользу может принести театр в воспитании личности.

Спектакль Новомосковского драматического театра «Чайка», в котором вы дважды выступали в роли Дорна, поставлен главным режиссером театра Николаем Алексеевичем Рябовым и заслуживает добрых слов. Художником Александром Родионовым найдено интересное сценическое решение. В целом видно, что создатели спектакля находятся в интересном творческом поиске.

Именно в этом театру и нужна помощь. Необходимо поддержать в актерах веру в необходимость того, что они делают, веру в себя, дать им возможность работать в условиях, максимально благоприятствующих истинному творчеству. Испокон веков Россия славилась прекрасными актерами. Вспомните, например, Рыбакова, послужившего прототипом Несчастливцева Островскому, а также Слонова, Орленева — всех и не перечислишь. Так ли

уж ухудшилось положение сегодня? Вы обратили внимание, как хорошо, искренне играла Аркадину заслуженная артистка РСФСР Светлана Таршис, как интересна и необычна Маша в исполнении Ларисы Грунды, как обаятелен Сорин заслуженного артиста РСФСР Владимира Качалина?

На мой взгляд, практика участия ведущих актеров в спектаклях областных и городских театров, если только она продиктована не коммерческими соображениями, взаимно необходима и театрам, и актерам. Это, если хотите, своеобразная творческая инъекция, лаборатория художественного поиска.

Иннокентий Михайлович, на встрече с группой театра вы провели тщательное исследование каждой роли, подробно разобрали игру каждого актера. Видимо, у вас есть какие-то основания не ограничиваться лишь короткой репетицией, ознакомлением с мизансценами?

Я не первый раз встречаюсь с Чеховым, и мне пришлось немало заниматься его творчеством. Ведь в работу над ролью, если, конечно, актер не намерен только с выражением произносить текст, обязательно входит изучение сопутствующего материала — биографических данных об авторе, исторических сведений о том времени, которое дано в пьесе, и т. д. Только в результате этого кропотливого и обязательного труда становится полностью понятно, почему твой герой говорит и поступает именно так, как написал автор, а не иначе. Образ нужно вынашивать, приучать себя думать его мыслями, жить его проблемами, вырабатывать только ему свойственные реакции. Вот тогда на сцену выйдет не персонаж, а живой человек, способный вызвать искреннее сочувствие зрителя.

Я считаю для себя необходимым помочь актерам обрести еще более естественное существование в образе, найти точное понимание мысли Чехова.

— Чем интересна эта поездка для вас?

— Я уже встречался с режиссером Николаем Рябовым во время работы над парем Федором в Малом театре. Он тогда ассистировал Борису Ивановичу Равенских. Спектакль, поставленный им в Новомосковске, резко отличается от нашей мхатовской «Чайки». И мне импонирует эта независимость режиссера, его смелость в замыслах и в претворении их. Интересно попробовать себя в ином прочтении знакомого материала.

— Роль Дорна не главная в пьесе. А к вам относятся прежде всего как к актеру, создавшему такие образы, как князь Мышкин, Гамлет, царь Федор...

— Для меня всегда важнее смысл роли, ее философское наполнение. Основное, видимо, не то, какое место занимает роль в пьесе, а что вкладывает в нее актер...

Время, в которое мы живем, — невероятно сложное. Сеговать на это, ругать его — занятие неблагодарное. Мы должны влиять на него, изменять мир к лучшему каждый по мере сил. Но делать это можно, только уловив само движение времени. Вот потому-то актеру противопоставлено вариться в собственном соку. Как бы ни был он талантлив, ему просто нечего играть, если ничто, кроме собственной персоны, его не интересует, если у него не будет болеть душа за театр, за своих коллег, которым живется подчас гораздо труднее, чем ему, за те проблемы, которыми живет наше общество.

Быть живым на сцене можно, только будучи живым в жизни, живущим жизнью своих современников. Только тогда актер действительно волнует зрителя, когда сам страдает, радуется, а не играет роль.

Донести до зрителя внутренний мир другой личности во всей его полноте — огромный труд, и эмоциональный, и физический. Это относится не только к театру, но и ко всему искусству в целом. Художник не затронет ничьей души, если останется

холоден сам. Посмотрите, как живут в музыке замечательные пианисты Борис Петрушанский и Владимир Виардо. Они сливаются с ней, наполняются музыкой, и уже не только сами звуки, но и паузы между ними потрясают, заставляют затаить дыхание. Именно это и значит — жить...

Есть другой тип исполнителей. К сожалению, мне не раз приходилось сталкиваться с ними. Они возмущают своей успокоенностью. Раз и навсегда наработанные, пусть даже блестящие штампы, давно проверенные приемы, рассчитанные на внешний эффект.

Наиболее существенный вопрос в том, что мы ждем от театра. На мой взгляд, основное назначение его — воспитывать способность сопереживания, научить сострадать Человеку.

И если эта цель будет достигнута, разбуженный, потрясенный театром зритель не останется глух к чужой боли. Для него просто не будет чужих страданий. В конце концов он не сможет не занять активной позиции гражданина, что так необходимо в наше многотрудное время, когда мир на земле зависит от совокупного коллективного слова и единого стойкого участия в борьбе за сохранение всех достижений цивилизации. Земля в мире — вот забота души и ума каждого человека.

Иннокентий Михайлович, зрители помнят вас в спектаклях Большого драматического театра в Ленинграде, Малого театра в Москве. Теперь вы во МХАТе. Значит ли это, что вы нашли свой театр, своего режиссера?

— Работать с Олегом Николаевичем Ефремовым — большая радость для актера. Он обладает удивительно привлекательной индивидуальностью. И главное — любит актера. Будучи сам актером, он прекрасно знает, как раним и хрупок этот тонкий инструмент, хотя, наверное, любой режиссер не может не любить актера, если уж он приглашает его на роль в своем спек-

такле... Если же режиссер хочет добиться выполнения поставленных им задач не собственными, не органичными для меня средствами, то не проще ли еще пригласить на роль другого актера?..

А то, что меня обвиняют в «изменах» театрам, я знаю. Но для себя я не считаю это изменами. И сам театр, и актер в нем — это живые организмы, а значит, они не могут не изменяться, не развиваться. Лично для меня это прежде всего связано с изменением собственных художественных критериев и задач, с изменением восприятия окружающего. Сегодня я не могу не восхищаться замечательными мхатовскими актерами, такими, как Ханаева, Васильева, Давыдов, Невинный... Но еще вчера они были для меня единомышленниками. Изменился ли я, изменились ли они — не знаю. Скорее всего, и я, и они, и это естественно. Но по-настоящему работать-то можно только с единомышленниками...

Обращаясь к вашему творчеству, к наиболее значительным вашим образам, приходишь к мысли, что все они несут в себе определенную философию, философию доброты. Не оказывает ли это влияние на поиск репертуара, в котором можно наиболее полно выразить эту философию? Ведь призыв к ней в образах и князя Мышкина из спектакля БДТ «Идиот» по Достоевскому, и царя Федора из «Царя Федора Иоанновича», и страстный протест против ее антипода в Иудушке Головлеве, которого вы сейчас репетируете во МХАТе.

Конечно. Поиск доброты человеческой — это для меня принципиально важно, и важно для нашего времени, для народа нашего... Я люблю людей. Я не могу не быть добрым и не взывать к доброте других. Только по-настоящему добрый человек может понять другую душу, а без этого не существует нашей профессии.

Беседу вела
Е. ТЕЛЕГИНА.
Фото И. Ефимова.